

ПОСЛЕДНЯЯ СТАТЬЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Сообщение М. К. Азадовского

Литературное наследие Кюхельбекера учтено еще далеко не полностью. Первым литературно-критическим выступлением его считается обычно статья в петербургской газете «*Le conservateur impartial*» (1817, № 77): «*Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe*», перевод которой тогда же был помещен в «Вестнике Европы» (1817, №№ 17 и 18). Статья в газете появилась без подписи автора, и принадлежность ее Кюхельбекеру установлена лишь на основании позднейшей записи его в дневнике¹. Названная статья не была единственным выступлением Кюхельбекера в этой газете: в списке своих статей, предназначенных для собрания сочинений, он упоминает о нескольких статьях в «*Le conservateur*»². Очень осведомленный Н. П. Колюпанов, опиравшийся в своих сообщениях на свидетельства современников, называет еще одну статью Кюхельбекера в этом издании — об «Опытах» Батюшкова³. Действительно, в № 83 газеты за тот же 1817 год помещена анонимная рецензия, озаглавленная: «*Essai en vers et en prose par M. Batuschkoff*». Это определенное указание Колюпанова оказалось почему-то не замеченным или забытым позднейшими исследователями жизни и творчества Кюхельбекера; не учтено оно и Н. М. Ченцовым, хотя книга Колюпанова им упомянута. Основываясь на сообщениях Колюпанова и самого Кюхельбекера, следует полагать, что последний был в 1817 г. постоянным сотрудником газеты в качестве литературного критика-рецензента. Это дает право предположить, что Кюхельбекеру же принадлежит и рецензия на «Двенадцать спящих дев» Жуковского, помещенная в № 63⁴. По стилю и общему характеру она очень близка к статьям Кюхельбекера. Если это предположение подтвердится, то данную рецензию следует считать таким образом первым критическим выступлением Кюхельбекера. Весьма неполно освещено участие Кюхельбекера и в «Благонамеренном». Все это дает основание предполагать, что и в других изданиях того времени может скрываться ряд неразысканных статей и заметок Кюхельбекера.

Не исследована с исчерпывающей полнотой и литературная деятельность Кюхельбекера периода заключения в крепости и жизни на поселении. Известно, что время от времени отдельные произведения Кюхельбекера, благодаря содействию его друзей (главным образом, Пушкина), проскальзывали в печать, появляясь (анонимно или под псевдонимом) в различных журналах и альманахах. Были даже осуществлены и отдельные издания. Об одном из них («Русский декамерон 1831 г.») стало известно лишь в недавние дни⁵.

На поселении Кюхельбекер вел упорную борьбу за право печатания, обращаясь за помощью к своим старым друзьям и покровителям и возбуждая официальные ходатайства. Это достаточно хорошо освещено его биографами. Известно, что все эти хлопоты и ходатайства в большинстве случаев были безрезультатны, но иногда Кюхельбекеру все же удавалось обмануть своих тюремщиков и появиться в печати. В 1839 г. он каким-то

путем опубликовал (анонимно) комедию «Нашла коса на камень»⁶. Есть основания утверждать, что это было не единственное выступление Кюхельбекера в печати во время его сибирского изгнания.

В «Дневнике» Кюхельбекера обращает внимание запись от 6 августа 1845 г.: «Статья, которую я сегодня кончил, — статья о нашей грамматической терминологии. Она, если бог даст, будет добрым началом ряда статей о русской грамматике»⁷. В перечне своих произведений, сделанном для Жуковского, Кюхельбекер называет «статьи о русском языке»⁸. В более позднем перечне, написанном 3 марта 1846 г., известном под именем «Литературного завещания» Кюхельбекера, где подробно перечислены все его произведения, оставшиеся в рукописи, с указанием, что печатать, «что исправить, что истребить», нет уже никакого упоминания ни о статье по терминологии русской грамматики, ни о других статьях по русскому языку⁹. Между тем в «Дневнике» по поводу первой написано очень определенно: «кончил». Вряд ли Кюхельбекер мог забыть о них при составлении своего «завещания» или причислить их к разного рода неоконченным отрывкам. Невольно возникает предположение, что этих статей, по каким-то причинам, уже не было в распоряжении автора, когда он составлял свое «литературное завещание», что они были куда-то отправлены и может быть даже где-то без имени автора опубликованы.

Одна архивная находка позволяет разрешить этот вопрос. В бумагах Кюхельбекера сохранилось письмо к нему декабриста Н. В. Басаргина от 5 мая <1846 г.> со следующими строками: «С большим удовольствием прочитал статью Вашу в „Отечественных записках“ — нахожу, что она очень удачна»¹⁰.

Этот отзыв Басаргина свидетельствует о факте появления в «Отечественных записках» статьи Кюхельбекера и дает ключ для ее отыскания. Письмо датировано началом мая 1846 г.; стало быть, статья Кюхельбекера могла появиться либо в первых трех книжках журнала за 1846 г., либо в последних за 1845 г. Но до начала марта 1846 г. Кюхельбекер находился в Кургане, где жил и Басаргин и где они часто, как это явствует из записей дневника, встречались. Если бы статья Кюхельбекера была помещена в последних номерах за 1845 г. или в первом номере за 1846 г., то Басаргин мог бы ознакомиться с ней еще во время пребывания Кюхельбекера в Кургане. Совершенно очевидно, что книжка журнала со статьей Кюхельбекера появилась в Кургане или в Ялуторовске, откуда написано письмо Басаргина, уже после отъезда Кюхельбекера. Таким образом, статью надлежит искать во второй или третьей книжках «Отечественных записок» за 1846 г. Действительно, в № 3 находится статья, заглавие которой в точности соответствует дневниковой записи 1845 г.: «О терминологии русской грамматики» (в «Дневнике»: «Статья о нашей грамматической терминологии»); подписана она: «—ъ»¹¹.

Статья открывается следующим авторским предисловием: «Занимаясь несколько лет преподаванием русской грамматики, я, по примеру знаменитого дяди и наставника Жиль-Блаза-Сантилианского, старался и сам тщательно изучить свою науку; а как труды Рейфа, Фатера, Пухмейера, Оттелина, Добровского и других мне, простому учителю уездного училища, недоступны, я, по крайней мере, старался сличать и сравнивать руководства гг. Востокова и Греча и дополнять читанное собственным наблюдением и размышлением. Тут представились мне кое-какие вопросы, на которые, сколько я знаю, не обращалось еще никакого внимания, кое-какие сомнения, разрешения которых я не нашел ни в известных мне компендиях, ни в статьях о грамматике, к несчастью слишком редких и скудных в наших периодических изданиях, особенно в нынешнее время. Вот что и понудило меня самому отважиться, по мере сил своих, способностей и данных мне средств, исследовать эти вопросы и отыскать на них

ответы, которые бы вывели хотя самого меня из недоумения. На память для самого себя я набросал на бумагу свои отметки об этом предмете, и таким образом составилось несколько статей о русской грамматике, которые, быть может, покажутся занимательными и другим любителям русского слова. Вместо образчика решаюсь, милостивый государь, препроводить к вам одну из них...

Выделенные нами курсивом слова почти целиком совпадают с дневниковой записью от 6 августа 1845 г. Совпадает не только общий смысл, но даже отдельные выражения («статейки»).

Это предисловие служит целям маскировки и в то же время вполне автобиографично. Автор называет себя «простым учителем уездного училища». Формально это, конечно, неверно, поскольку внушало ложное представление об официальном положении автора, но правильно по существу, так как Кюхельбекер, действительно, был провинциальным (уездным) педагогом, и основным его занятием была частная преподавательская деятельность. Заявление же о долголетних занятиях русской грамматикой вполне соответствует действительному положению вещей, ибо изучением языка Кюхельбекер занимался с некоторыми перерывами в течение всей своей жизни. Еще в 1817 г., будучи преподавателем Благородного пансиона, он составил не дошедший до нас курс «Логики языка»; вопросы языка он затрагивал неоднократно в своих критических статьях; национально-историческим особенностям русского языка была посвящена его парижская лекция; наконец, в 1825 г., незадолго до ареста, он поместил в «Благонамеренном» обширную рецензию на «Славянскую грамматику» Пенинского. Немало замечаний по различным вопросам характера и истории русского языка разбросано в его «Дневнике». Как видно из цитированной выше записи, Кюхельбекером было написано или задумано несколько статей по вопросам русской грамматики. Статья в «Отечественных записках» позволяет совершенно определенно установить круг тем, над которыми он работал. В цитированном уже выше «предисловии» Кюхельбекер пишет: «На этот раз ограничусь некоторыми замечаниями о терминологии русской грамматики. Буде же моя статейка заслужит ваше внимание и удостоится помещения в вашем журнале, я в непродолжительном времени <курсив наш. — М. А. > перешлю вам еще следующие: во-первых, „О раздроблении грамматики на этимологию, синтаксис, просодию <...> и орфографию“; во-вторых, „О разделении элементов языка на 8 или же на 9 так называемых частей речи“; в-третьих, „Об именах собственных, взятых с иностранных языков“, и, наконец, в-четвертых, „О русском глаголе“. Этот перечень тем ярко свидетельствует о широте лингвистических интересов и определенной целеустремленности в постановке научной лингвистической проблематики.

Эти вопросы издавна привлекали внимание Кюхельбекера; некоторые из них поставлены в его парижской лекции; например, о заимствованных словах в русском языке, о глаголе. Частично затронута в парижской лекции и основная тема этой статьи: о невозможности строить русскую грамматику по нормам грамматик латинского и греческого языков. Исходя из этого требования, Кюхельбекер подвергает в своей статье резкой критике принятую в грамматиках Греча и Востокова терминологию. Его критика «Грамматики» Греча в значительной мере предвосхищает ту оценку, которую получила она в советской науке. «На грамматике Н. И. Греча сказалось сильное воздействие западноевропейских грамматик логического направления, — пишет В. В. Виноградов. — Русский материал, включенный в эту грамматику, очень значителен <...> Но грамматические классификации Греча страдают схематизмом. Критерии деления здесь почти целиком заимствованы из западноевропейских философских грамматик <...> Внешний схематизм описания особенно наглядно

обнаруживается в перечнях форм словообразования — без всякого их семантического анализа»¹². Рабское, некритическое следование западноевропейским грамматикам, построенным по схемам грамматик древних языков, отмечает в качестве основного порока грамматики Греча и Кюхельбекер. «Языки латинский и греческий, — пишет он, — языки мертвые; ими уже никто не говорит, им уже больше ни развиться, ни звучать живую речь в устах поколения, которое всосало бы их стихи с молоком матери. Бесполезно было бы изменять их грамматическую терминологию, освященную, впрочем, употреблением не одного тысячелетия, тем более, что она, все же, в духе их, и что в ней гораздо более смысла и толка, чем в нашей, хотя, конечно, и ее совсем нельзя назвать безошибочною. Но нашему ли живому, молодому языку наряжаться в шутовские, пестрые лохмотья, выкроенные наугад и очень часто невольно, по образцу одежды мертвецов, когда, притом, эта одежда ему не по плечам и не по росту — то слишком узка и коротка, то слишком длинна и широка?». Возражая тем, кто не видит и не понимает важности правильной грамматической терминологии, считая ее лишь внешней условностью, Кюхельбекер восклицает: «Нет, милостивые государи! каждое слово одушевлено идеею, от которой оно родилось и которая в нем никогда не умирает. Слова — стихи языка, не алгебраические *a*, *b*, *c*, *x* и *y*, которые то значат миллион, то миллионную часть единицы, то количество отрицательное, как то потребует надобности задачи или прихотью математика. В каждом слове *своя* живая душа, свой смысл, — и употреблять какое бы то ни было слово в противность этому смыслу или хоть не сообразуясь с ним, — значит, говорить или писать бессмыслицу. Заставляя же детей в учебных книгах затверживать подобные бессмыслицы, обучаешь их набивать голову великолепною галиматией и принуждаешь заранее отказываться от употребления здравого рассудка». Статья Кюхельбекера проникнута пафосом борьбы за самостоятельную национальную научную мысль, — он настаивает на выработке национальной грамматической терминологии, то есть терминологии, соответствующей историческому развитию и национальному характеру русского духа.

Борьбу за пересмотр грамматической терминологии Кюхельбекер начал еще до 14 декабря 1825 г. В рецензии на «Славянскую грамматику» Пенинского он писал по поводу термина «имя прилагательное»: «При исчислении наименований частей речи г. Пенинский прилагательное слово по обыкновению, принятому, впрочем, не в одних только русских грамматиках, называет *прилагательным именем*. Конечно, беда не велика, если всеми принятое, всем понятное название не очень правильно; однако же иногда и оно может быть поводом к заблуждению. — Имя есть название предмета отдельного, представляющее воображению и без других слов нечто определенное, а слова качественные, числительные, указательные сами по себе ничего не представляют оному, а только служат к большему объяснению имен нарицательных и собственных, к которым *прилагаются*. Итак, напрасно г. Пенинский и другие грамматики называют их *именами*»¹³.

Это (ошибочное по существу) утверждение повторено и в статье «Отечественных записок»: «...технический термин *имя прилагательное*, — утверждает Кюхельбекер, — просто нелепость. Прилагательное, или, если угодно, прилог, приложение (*adjectivum*) — вовсе не имя, а только дополнение, продолжение имени, с которым оно сопрягается. Оно само по себе ничего не называет, а только развивает, дополняет понятие, которое заключается в названии предмета, в *имени*».

Аналогичной критике подвергает Кюхельбекер и другие принятые русскими грамматиками термины. Он считает совершенно неправильным то определение, которое дается имени существительному, утверждая,

что при разнообразии охватываемых этим понятием предметов термин «существительное» бесполезен и даже вреден. Термин «местоимение» называет он «варварским» и «составленным совсем не в духе русского языка». Эту часть речи он предлагает совсем уничтожить и превратить «в подразделение имени, которое бы можно назвать подвижным, относительноименем». Излишней частью речи считает он «междометие», самый же термин характеризует как порождение «схоластической мистики». И, наконец, уже совершенно нелепыми кажутся ему наши названия падежей, «рабски» переведенные на русский язык с латинского. Неудачно, по его мнению, и самое слово «падеж»: «Что такое тут падает? Есть ли тут какая-нибудь, хоть самая слабая идея о падении чего бы то ни было?» — восклицает он.

Единственно выразительным, истинно превосходным, термином считает он слово «глагол». За эту «удачную и прекрасную находку наших грамматиков, — пишет он, — <...> им можно отпустить много промахов и недосмотров, много схоластических грехов неведения». К числу крупнейших ошибок Греча относит Кюхельбекер и те определения, которые даны им «наречию». Такие же ошибки находил Кюхельбекер и у Востокова. Своих определений Кюхельбекер в этой статье (за некоторыми исключениями) не дает, обещая вернуться к этим вопросам в дальнейших, намеченных им статьях. Последние страницы его этюда посвящены терминологии в области синтаксиса.

Кюхельбекер требует пересмотра и обновления не только грамматической терминологии, но вообще всей терминологии, принятой в научной литературе. Он настаивает на демократизации ее и на максимальном приближении к интересам широких кругов читателей, вплоть до простолюдинов. Для этого она должна опираться не на «язык канцелярий и семинарий», а на живую народную речь. В «нашей ученой терминологии, — пишет он, — очень любят окончание на *ие, ение, ание, ость, ство, ательный, ительный* и с небольшими исключениями чуждаются причастий и общеразговорных простонародных имен и прилогов. Между тем самые ясные, точные, выразительные технические наши термины именно не на эти окончания, столь милые нашему книжному языку и столь мало родственные живому разговору, столь малопонятные русскому простолюдину; наприм(ер), в грамматике: *имя, глагол, предлог, союз, связь* — такие слова, которых смысл наперед отгадает всякий русский человек, даже вовсе безграмотный». — «Мы убеждены, — заявляет он далее, — что наша терминология и не одна грамматическая чрезвычайно выиграла бы и в ясности и в точности, если б в ней, по какому-то странному предрассудку, не боялись сильных, коротких простонародных слов и слов, придуманных в духе и по образцу этих уже существующих».

В нашу задачу не входит критическое рассмотрение данной статьи. Сточки зрения современной лингвистической науки в ней, конечно, так же как и в его парижской лекции, многое представляется уже вполне устарелым, кое-что наивным и порой совершенно ошибочным. Но тем не менее эта забытая статья, несомненно, должна привлечь внимание специалистов-историков и найти свое место в истории русской науки о языке. Она сохраняет свое значение и ценность как памятник лингвистической мысли декабристов и как образец их неустанной борьбы за честь и достоинство русской науки и их неизменной веры в великие творческие возможности живого русского языка.

Статья Кюхельбекера чрезвычайно интересна еще в одном отношении. Приведенное выше предисловие к статье было оборвано в журнальном тексте двумя строками точек, что свидетельствовало о каком-то пропуске. В особом подстрочном примечании редакция объяснила причины пропуска: «Позволяем себе выкинуть здесь 16 строк — очень лестных для

нашего самолюбия и по тому самому не могущих быть напечатанными в нашем журнале. Иначе, „друзья“ „Отечественных записок“ могли бы сказать, что мы подражаем им, печатая себе похвалы в собственном своем журнале. Итак, да извинит нас почтенный автор этой статьи, что мы не исполним его желания, так искренно высказанного в письме его». Из этого примечания явствует, что Кюхельбекер восторженно отозвался о журнале, — причем, несомненно, его похвалы относились, главным образом, к той части, которая более всего его интересовала: к статьям критическим и статьям о языке, то есть к статьям Белинского. Восхищение статьями Белинского Кюхельбекер не раз высказывал и в своем дневнике и в письмах. Так как статьи Белинского обычно были без подписи, то Кюхельбекер, подобно многим современникам, ошибочно считал их автором самого Краевского. В письме к Одоевскому (3 марта 1846 г. из Кургана), говоря о своих литературных симпатиях, он писал: «Из нынешних люблю Краевского...»¹⁴.

В рецензиях Белинского, относящихся к вопросам русской грамматики, Кюхельбекер должен был найти немало созвучных ему мыслей. Еще в 1834 г. Белинский упрекал И. Ф. Калайдовича за его «учение о частях речи», которое не выведено «из законов русского языка»¹⁵; в рецензии на «Русскую грамматику для первоначального обучения» (1839) Белинский, так же как позже Кюхельбекер, требовал от каждого автора новой грамматики критического отношения к принятым положениям и терминам¹⁶.

Весьма близки и созвучны были Кюхельбекеру и мысли Белинского о роли и значении заимствованных слов в русском языке. Белинский утверждал, что в вопросе о законности и правильности того или иного заимствования единственным критерием может быть лишь народное или общественное признание: «...Создатель и властелин языка — народ, общество: что принято ими, то безусловно хорошо <...> Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление <...> Страж чистоты языка — не академия, не грамматика, не грамотей, а дух народа»¹⁷. Эта апелляция в решении вопросов об языке к «духу народа» характерна и для Кюхельбекера; она встречается и в статье о грамматической терминологии. Совпадают отношения Белинского и Кюхельбекера к современным грамматикам. Обширную рецензию на «Грамматические разыскания» Белинский начал с утверждения об отсутствии у нас «удовлетворительной грамматики»; главный же недостаток существующих грамматик он видел в отсутствии их связи с характером русского языка, с его «анатомией и физиологией»¹⁸.

Этой рецензии Белинского Кюхельбекер еще не мог читать, когда работал над своей статьей о грамматической терминологии, ибо она появилась лишь в августовской книжке «Отечественных записок» 1845 г. В Курган этот номер «Отечественных записок» мог прийти лишь через месяц, в сентябре, — Кюхельбекер же закончил свою статью 6 августа. Но это сходство воззрений Кюхельбекера и Белинского на многие вопросы о русском языке и его изучении весьма знаменательно, — и вполне понятно, почему Кюхельбекер обратился со своей статьей именно в «Отечественные записки». Еще находясь в Акше (в 1841 г.), Кюхельбекер оценил «большие достоинства» «Отечественных записок»¹⁹, — и в 1846 г. он стал их сотрудником. Неизвестно, в какой мере удалось Кюхельбекеру реализовать замысел создания цикла статей по русской грамматике. Вероятнее всего, что он закончил только одну статью, так как вскоре тяжело заболел и к концу года совершенно ослеп. А через год, в августе 1846 г., он скончался. Таким образом, статья в «Отечественных записках» явилась последним печатным выступлением Кюхельбекера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Дневник Кюхельбекера», стр. 79 (запись от 7 ноября 1832 г.).
- ² Там же, стр. 314.
- ³ Н. П. Колупанов. Биография А. И. Кошелева, т. I, ч. 2. М., 1889, стр. 24.
- ⁴ «Les douzes vierges dormantes, poëme de M. Joukowsky». — «Le conservateur impartial», 1817, № 63.
- ⁵ К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. LV.
- ⁶ «Дневник Кюхельбекера», стр. 248.
- ⁷ Там же, стр. 305.
- ⁸ Там же, стр. 314.
- ⁹ К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. XXVII—XXVIII.
- ¹⁰ ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, л. 47 об. (Сообщено редакции «Лит. наследства» М. Ю. Барановской). — Письмо написано в Ялуторовске, где Басаргин остановился по пути из Кургана в Омск. Остальная часть письма заполнена отчетом об исполнении деловых поручений Кюхельбекера и о встречах в Ялуторовске.
- ¹¹ «Отечественные записки», 1846, № 3, отд. II, стр. 43—54. — В том же номере помещены «Письма об изучении природы» (письмо седьмое) Герцена и рецензия Белинского на «Петербургский сборник» Некрасова.
- ¹² В. В. Виноградов. Русская наука о русском литературном языке. — «Ученые записки Московского гос. университета», т. II, кн. 1, 1946, стр. 48.
- ¹³ «Благонамеренный», 1825, № 37-38, стр. 346.
- ¹⁴ «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 год». СПб., 1896, стр. 71; в «Дневнике» под 1 мая 1845 г. записано: «Краевский, без всякого сомнения, лучший наш критик» (стр. 299).
- ¹⁵ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1900, стр. 31.
- ¹⁶ Там же, т. IV. СПб., 1904, стр. 388—389.
- ¹⁷ Там же, т. IX. СПб., 1910, стр. 375—376.
- ¹⁸ Там же, стр. 475, 483. — Кюхельбекер, несомненно, знал и «Основания русской грамматики» Белинского (1837), хотя и не догадывался, что ее автор и автор критических статей в «Отечественных записках» — одно лицо. Обращает внимание сходство некоторых положений Белинского и Кюхельбекера в трактовке частей речи. Востоков устанавливал восемь частей речи, Греч — девять. Белинский и Кюхельбекер настаивают на сокращении этого числа; и тот, и другой, исключают из состава русских частей речи имя прилагательное и междометие. Отрицательно относился Белинский и к термину «существительное»; в его перечне частей речи нет «имени существительного»; вместо последнего он пользуется кратким термином — «имя».
- ¹⁹ «Дневник Кюхельбекера», стр. 272.